

На дне

Автор: Мария Тарнавская

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

📅 24. 07. 2015 📶 43668 📄 0

БЕЗДОМНЫЕ · КОНТЕКСТ · РЕПОРТАЖИ

ТАКИЕ ДЕЛА

ЖУРНАЛ ФОНД

Герои Драмы Контекст Случаи

ПОМОГАЕМ

🔍 | ХОЧУ ПОМОЧЬ

Три часа дня, вторник, я стою в садике у метро «Чкаловская». Передо мной на четвереньках скрючились два мужика, их рвёт прямо на мои ботинки.

Это Владимир Леонидович и Дима, им пятьдесят пять и двадцать семь лет, первый раз в жизни мы увидели друг друга час назад, а пять минут назад вышли из столовой, где я угостила их обедом.

Владимир Леонидович и Дима — бездомные. Стаж Владимира Леонидовича — десять лет: москвич, фамильное гнездо в районе Патриарших, родители умерли, женился на молодой, уехал в длительную командировку в Сибирь, жена оказалась стервой и, пока Владимира Леонидовича не было, каким-то образом умудрилась выписать его из квартиры, продать её и сгинуть в неизвестном направлении. Дима

прибился к Владимиру Леонидовичу только в январе, когда тот по счастливому стечению обстоятельств рассорился со своей компанией и решил с комфортом переночевать в зале ожидания Московского вокзала — пару раз в месяц он по знакомству может заплатить за вход половину, а то и не платить вовсе. Диму Владимир Леонидович заметил сразу: он единственный сидел, а не лежал. Но сидел так прямо и тарашил глаза так неестественно, что Владимир Леонидович подошел поинтересоваться, всё ли в порядке, а в ответ услышал: «Не знаю, я вообще ничего не знаю».

Это оказалось чистой правдой — мужчина не смог сказать ни как его зовут, ни сколько ему лет, ни откуда он, ни даже, какой его любимый цвет или еда. Никаких документов, билетов и вещей у него не было. И тогда Владимир Леонидович назвал его Димой, «как одинокого мамонтёнка из Зоологического музея, про него еще мультик сняли», и решил, что Диме двадцать семь. В милиции были, но единой базы поиска нет и в помине, фотографию и отпечатки пальцев человека пропускают через локальный, и тоже несовершенный, розыск — и лучше бы здесь не находиться, потому что рассчитан он в основном на поиски избежавших правосудия преступников. Теперь они всегда вместе: Дима боится потеряться и утратить свою новую память, а Владимир Леонидович в прошлой жизни работал учителем литературы, но всегда хотел стать психологом. Дима для него идеальный компаньон — разгадывать, кто он такой, и вместе с тем делать из него нового человека бесконечно интересно. «Дима — мои Галатея, Чебурашка, Санчо Панса, Пятница и доктор Ватсон», — с гордостью говорит про товарища Владимир Леонидович.

ЖУРНАЛ ФОНД

ХОЧУ ПОМОЧЬ

Выпивать и употреблять наркотики пока ты живешь в «Ночлежке» запрещено, а курить можно только на улице

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

Слева: В каждой комнате «Ночлежки» есть телевизор. Чаще всего бездомные смотрят 1 канал и НТВ. Справа: Юрий ежедневно собирает с обеденных столов крошки и выходит во двор кормить голубей

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

А теперь они оба блюют мне на ботинки. Я надеюсь, что они просто объелись. Потому что Владимир Леонидович взял два супа, селёдку под шубой, котлету с пюре, пельмени и песочное пирожное-полоску, а Дима всё за ним повторил. Я подумала было, что это чересчур для их комплекции, — оба не слишком высокие, сухие, жилистые, — но ничего не сказала, чтобы не подумали, что жадничаю, да и смущать не хотелось. Владимир Леонидович позвонил мне вчера: «Я видел вас на днях, вы ищите бездомных, чтобы посмотреть, как мы живем — я готов с вами встретиться».

А ТЕПЕРЬ ОНИ ОБА БЛЮЮТ МНЕ НА БОТИНКИ

Не все прохожие смотрят на нас брезгливо, некоторые, наоборот, замедляют шаг, сочувствуют. Мужчина с пухлым портфелем советует мне сбегать в аптеку за

энтеросгелем, а мама с коляской и пивом говорит, что после чистки нужно обработать мои ботинки лимоном — тогда не будет запаха. Владимир Леонидович и Дима трезвы и более того — одеты аккуратно и опрятно, примерно так же, как большинство проходящих мимо нас людей. Никому и в голову не приходит, что они точно такие же бомжи, как завёрнутый в лохмотья вонючий задиристый мужичонка, которого мы только что видели у метро — от него все шарахаются или просто делают вид, что его нет. Проблевавшись, Владимир Леонидович смотрит на меня снизу вверх, утирает рот салфеткой и говорит: «Пирожное было лишним. Зато теперь ты можешь называть меня Володей».

За несколько дней до этого я действительно искала бездомных и начала с открывшейся в 1990 году благотворительной общественной организации

ЖУРНАЛ ФОНД

ХОЧУ ПОМОЧЬ

ощутимо. Скидок от Ленэнерго и Водоканала нет. Ремонт провели своими силами: стройматериалы привозили сочувствующие организации, чего не хватало — покупали сами, переключивать крышу и красить комнаты пригласили не только профессионалов, но и постояльцев.

«Это очень важно — включать человека с улицы в социальный контекст. Бездомные люди довольно быстро утрачивают привычные умения: быть за что-то ответственным, договариваться — им это не нужно. На улице работает другая система навыков — важно грамотно одеться в минус двадцать или уметь спать два часа в день», — рассказывает руководитель «Ночлежки» Григорий Свердлин. Грише тридцать шесть лет, он работает здесь треть жизни. Его рабочий стол стоит в мансарде приюта рядом со столами фандрайзеров и менеджеров. В общей сложности, вместе с социальными работниками, психологами, юристами,

администраторами, водителями, их двадцать человек. Все они приятные, улыбочивые и обаятельные люди с высшим образованием, всем около тридцати. Их подопечным в среднем лет сорок пять, три четверти из них — мужчины.

Сотрудники Ночлежки на улицах Санкт-Петербурга

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

Бездомные приходят в дом на Боровой ежедневно. Социальные работники выслушивают каждого и пытаются по мере сил помочь: кому-то нужен простой совет, кому-то — юридическая помощь, а кто-то просто устал жить на улице. Вот с этими последними социальные работники составляют «сервисный план», в котором по пунктам оговаривают действия на ближайшие месяцы: восстановить паспорт, получить временную регистрацию от «Ночлежки», найти работу, со второй-третьей зарплаты снять койку в общежитии или комнату — понемногу, сантиметр за сантиметром, выныривать со дна.

«Есть три основные группы бездомных, — говорит Гриша. — Самая большая — это семейные дела: не поделили квартиру, муж ушёл от жены в никуда, сюда же жуткие истории про то, как подростки выставляют из квартиры родителей. Вторая группа — выпускники детских домов. Им по закону положена жилплощадь, но многих обманывают, а многие просто не понимают, как зарабатывать, вести хозяйство, не знают цену вещей. Была у нас история с мальчишкой, который проиграл свою комнату в игровые автоматы, потому что думал, что раз ему дали одну комнату, то и другую дадут — раньше же давали. Третья большая категория — жертвы квартирных мошенников. Но отбить квартиры у нас получается не больше пяти раз в год. Чаще всего дела с недвижимостью так запущены, что вернуть её

ЖУРНАЛ

ФОНД

ХОЧУ ПОМОЧЬ

Кроме того, в «Ночлежку» часто приходят бывшие зеки, которые, как правило, намеренно возвращаются в тюрьму — там всё понятнее. Или приезжие из провинции, которые отправились в большой город на заработки, но что-то пошло не так, документы потерялись, спать оказалось негде, а вернуться или хотя бы позвонить домой и сказать, что попал в беду, — стыдно.

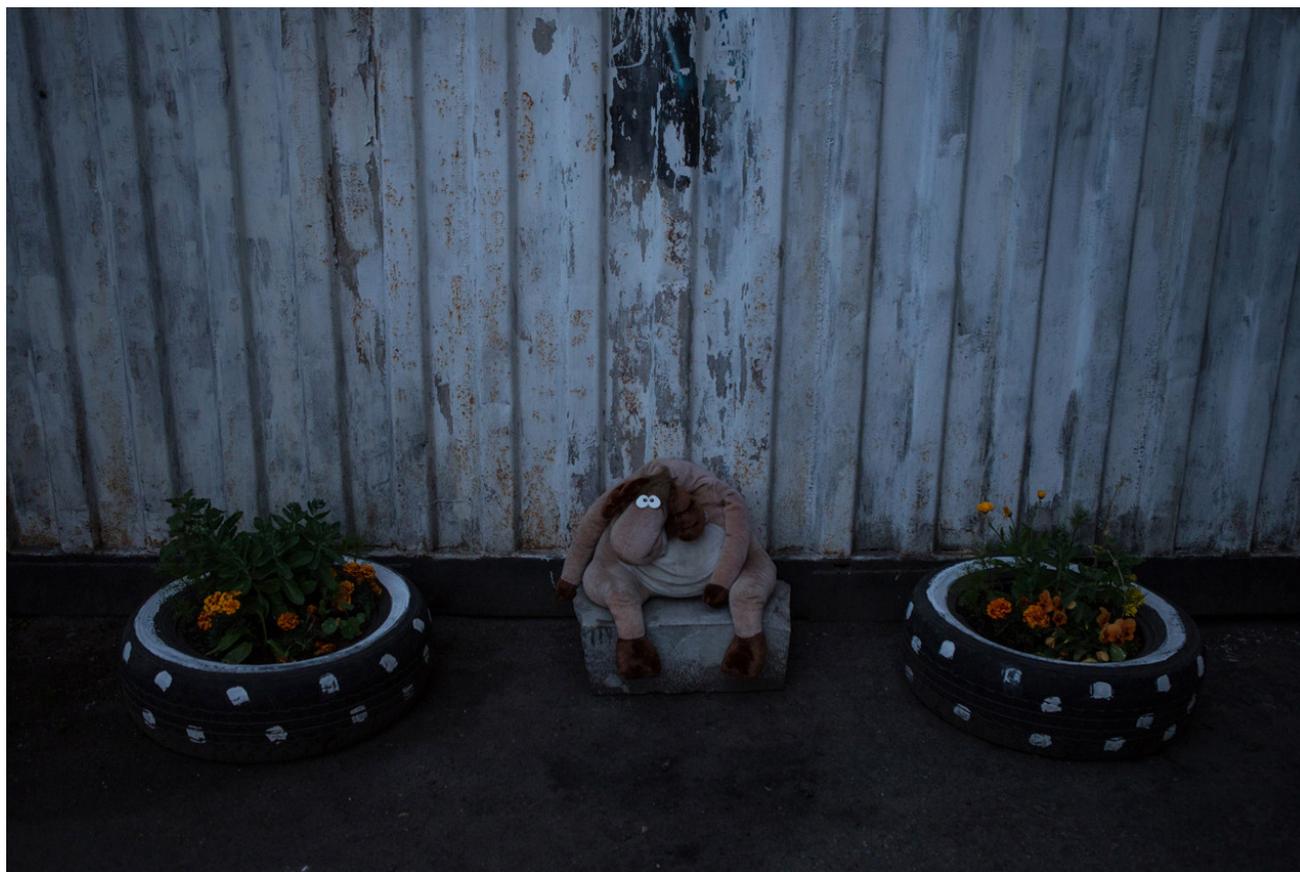
БЫВШИЕ ЗЕКИ НАМЕРЕННО ВОЗВРАЩАЮТСЯ В ТЮРЬМУ — ТАМ ВСЁ ПОНЯТНЕЕ

«Да, люди странным образом стыдятся своего неуспеха перед родными, — соцработник Валентина Марьяновна похожа на выпускницу Смольного института благородных девиц: седые волосы, высокая

прическа, осанка, стать, брошь. — И они не знают своих элементарных прав. К сожалению, мы вынуждены выбирать: если свободна одна кровать, то между тем, кто оказался на улице пять лет назад, и тем, кто живет на улице три месяца, мы выбираем второго — вероятность, что он вернется к нормальной жизни, намного больше».

Помогают по-всякому. Дают место в общей комнате, одежду, еду, отправляют к врачу, вместе собирают печати и подписи, стараются развлекать: раз в месяц водят на экскурсию в Эрмитаж, устраивают концерты, в библиотеке есть много хороших книг, там же стоят три компьютера и плазма с киноколлекцией.

В среднем человек остается в «Ночлежке» пять месяцев — обычно этого срока достаточно, чтобы окрепнуть во всех смыслах слова. Тому, кто не пытается переломить ситуацию, а просто использует приют как перевалочный пункт, делают несколько замечаний, а потом выселяют, чтобы освободить место для более мотивированного бездомного.

Слева: В вещах бездомных бывает все что угодно: антикварные ложки, сломанные часы, игрушки, початые флаконы духов — их находят на помойке и несут продавать на блошинный рынок на Удельной. Справа: В «Ночлежке» 52 места: сорок мужских и двенадцать женских. В планах — сделать отдельный приют для женщин

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

А таких немало. Один из них четыре года назад в очень плохом состоянии пришел в пункт обогрева, который «Ночлежка» устанавливает зимой в нескольких точках города. Зарегистрировался в приюте. Восстановил документы, пошёл на работу, стал снимать угол, накопил на грузовичок. Занялся перевозками, женился на врачке из дома ночного пребывания — государственной организации, которая помогает бездомным с ночлегом, а теперь они купили в ипотеку квартиру.

Историй тысячи, но актуальных — по количеству коек — пятьдесят две.

Вот Сергей. Он похож на Андрея Тарковского, только старше. Он весёлый и очень душевный. Один из его голубых глаз покрыт поволокой, другой почти не видит — родная сестра натравила на него парней, которые проломали ему голову. Она уничтожила все документы брата и продала материнскую квартиру. «Я из больницы вышел зимой, вижу плохо, куда идти, не знаю. Тут меня в оборот центр протестантов взял, и оказался я в бараке под Выборгом. По утрам нас гоняли на стройку библиотеки Алвара Аалто, а вечером все надо мной издевались, что я слепой. Наркоманов там было много, они вычитали, что в моих глазных каплях есть какой-то интересный ингредиент, стали его выпаривать. Ну, я и сбежал».

Виталию двадцать восемь, он приехал из Нижегородской области. В Петербурге устроился инструктором в тир, жил в хостеле. Сумку с деньгами, вещами и документами украли — Виталий оказался на улице. У вокзала его завербовала какая-то организация, обещали помочь восстановить бумаги и устроить на работу. В итоге Виталий несколько месяцев был грузчиком. По свистку вставал, по свистку ложился, на завтрак — каша, в обед — жидкий суп, на ужин — детская порция

ЖУРНАЛ

ФОНД

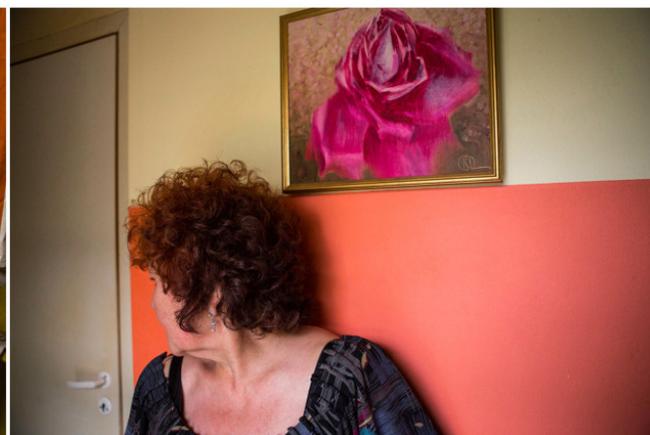
ХОЧУ ПОМОЧЬ

день: сходил к врачу, подал запрос на восстановление паспорта, взял в библиотеке «Анну Каренину», «Овода» и «Конец утопии: Взлет и крах финансовой пирамиды».

В прошлой жизни Виталий занимался восточными единоборствами и рукопашным боем

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

ЖУРНАЛ

ФОНД

мамы она распалась. Братья и сестры знают, что Нелли в «Ночлежке», но к себе не зовут

ХОЧУ ПОМОЧЬ

Катерину выставили из дома двоюродные братья, с которыми у неё связано много прекрасных воспоминаний о лете, землянике и парном молоке. Бабушка, с которой Катерина жила с детства, оставила два завещания: на квартиру — Катерине, на загородный дом и землю — братьям. В завещании на имя братьев прокралось слово «всё», то есть не просто «домовладение», а «всё домовладение». И братьям удалось доказать, что «всё домовладение» относится ко всей недвижимости, в том числе и к квартире. Катерину просто вытолкали за дверь.

Ярик из Костромы и Женя с Дальнего Востока — огромные красивые парни — познакомились на стройке под Петербургом, жили там же, в строительном вагончике. Однажды после работы пошли отдыхать и очнулись на соседних койках в больнице. Когда вернулись на стройку, оказалось, что дом сдан, бригада исчезла, вещей, документов и зарплаты нет. Месяц спали под кустом, а неделю назад пришли в «Ночлежку».

В «Ночлежке» около ста волонтеров, на раздачу бесплатного ужина ежедневно выезжают три-четыре человека

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

Согласно статистике, в прошлом году в Петербурге было зафиксировано 60 тысяч бездомных. С каждым годом их становится все больше. И каждый год состав заметно обновляется — это значит, что люди умирают, исчезают, а на их место приходят другие. Эта жуткая особенность особенно заметна водителю ночного автобуса «Ночлежки» Игорю — каждый вечер он вместе с волонтерами возит горячую пищу в четыре района, с администрацией которых удалось договориться, и кормит бездомных.

Автобус только называется «ночным», на самом деле он вечерний: первая остановка, у сортировочной станции, — в семь вечера, последняя, — у станции «Новая деревня» — в

пол-одиннадцатого. Еду бесплатно готовят столовые, кафе и рестораны. Это всегда густой суп на мясном бульоне, какие-нибудь плюшки и чай.

Пока едем, Игорь рассказывает истории. О том, как зимой кроме еды развозили шапки, и один парень попросил сразу несколько разных, чтобы не привлекать внимания консьержки подъезда, который он нашёл, чтобы перезимовать. Как иногда издательства дают «Ночлежке» книги — и их тут же разбирают, и не на папиросы, а правда почитать. Как один очень скромный бездомный вдруг стал просить добавку и выяснилось, что он приютил трёх котят, которых тоже надо кормить.

Сзади сидят волонтеры Сурьма и Ксюша. Сурьма — иностранка, студентка-лингвист, Ксюша по образованию биолог, преподаёт в школе и в институте.

Ксюша с плохо скрываемым раздражением говорит: «Я много лет езжу на этом автобусе и вижу, что в основном бездомные — это дееспособные сорокалетние мужчины. Казалось бы, для них это возраст расцвета, а они стоят в очереди за тарелкой бесплатного супа, часто пьяные. Я считаю, если мужчина хочет работать и не пьёт, — всё с ним будет в порядке. А тут — бьешься-бьешься за то, чтобы вытащить человека с улицы, а он всё равно на неё возвращается. Значит, им просто нравится так жить».

Виталий и Паша провели в реабилитационных центрах несколько месяцев. По сути — были рабами на стройке известных петербургских застройщиков

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

Сурьма защищает русских мужчин: «Человеку в России очень сложно сделать две вещи: состояться и отказаться от водки».

В беседу вступает Игорь, он не только водитель, но и студент психфака: «Положительный социальный опыт вытесняется довольно быстро, поэтому, когда мы даём человеку, который давно живет на улице, квартиру и работу — мы даем ему то, чего в его картине мира уже не существует. Если ко мне прямо сейчас придёт арабский шейх и подарит дворец, гарем и нефтяную вышку — я тоже, скорее всего, откажусь, просто не буду знать, что мне с этим делать. С бездомными — то же самое. Всё нужно делать постепенно».

ЧЕЛОВЕКУ В РОССИИ ОЧЕНЬ СЛОЖНО

ФОНД

ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ВОДКИ

Ксюша говорит: «Я все равно считаю, что главная беда бездомных — это они сами».

Игорь отвечает философски: «Их ли это ответственность, как личностей, или наша с вами, как окружения? Вот мы с пацанами после школы пили

портвейн и играли на гитарах возле подъезда. А в живых остался один я. Кого-то убили, кто-то от передоза умер, кто-то в тюрьме. И что за механизмы сработали? Одна и та же скамейка, один и тот же портвейн».

Ксюша молча пожимает плечами. Я спрашиваю у неё, зачем она помогает бездомным. «Я не им помогаю, — говорит Ксюша. — Я делаю это для Бога».

Публика на остановках ночного автобуса разная. На Сортировочной в основном забулдыги. В Лигове за едой приходят не только бездомные, но и домашние пенсионеры, которые живут за чертой бедности. На Васильевском острове много

ЖУРНАЛ

ХОЧУ ПОМОЧЬ

неформалов. А в Новой деревне — инвалидов и детдомовцев. Во всех случаях ужин происходит максимально куртуазно: выстраивается очередь, женщин пропускают вперед, ведут светские разговоры, за еду благодарят, использованные тарелки собирают в пакет и сами выносят на помойку. Пьяные есть, но их не так много, и они ведут себя тихо. В основном же все выглядят так, что в толпе распознать их будет сложно — обыкновенные люди.

Для того, чтобы поужинать в ночном автобусе, не обязательно быть бездомным — в еде не отказывают никому.

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

Некоторые, как Андрей с Сортировочной, и вовсе записные франты. На нём вельветовый пиджак, хорошо сидящие штаны, ботинки. Только если вглядываться совсем придирчиво, можно заметить пятнышки, дырочки и общую лёгкую небрежность. Андрей очень манерный: постановочная улыбка, выверенные жесты рук, артистизм во всем — от того, как он держит ложку, до того, как поправляет волосы. Андрей приехал с Алтая. Учился там на эстрадно-джазовом вокале. был

ЖУРНАЛ

ФОНД

ХОЧУ ПОМОЧЬ

бизнес — агентство по организации праздников, — но прогорел. Уехал работать в Петербург. В театр не попал, устроился на стройку и постепенно выбился в прорабы, хотя нет на свете человека, менее похожего на прораба, чем Андрей. А потом напился и потерял сумку с документами. Теперь собирает металл и деревянные паллеты, по вечерам обязательно ходит к «Перекрестку» — там ежедневно выбрасывают просроченные продукты. Спит на матрасе у железной дороги, посадил вокруг него искусственные цветы, воткнул в них фотографии Людмилы Гурченко и Ренаты Литвиновой. У Андрея есть спутник — молчаливый и заботливый узбек, который по своему виду прекрасно вписался бы в компанию Тимати.

Андрей мечтает вернуться домой, на Алтай, и ждет обещанной несколько месяцев назад на стройке зарплаты, чтобы купить билет.

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

ЖУРНАЛ

ФОНД

веселее. Справа: Десять лет назад Людмила уехала в Грецию. Вернулась в Петербург поменять паспорт, оказалась никому не нужна и застряла в «Ночлежке»

ХОЧУ ПОМОЧЬ

В Лигове ко мне бросается женщина со сдвинутой набок челюстью и красивыми, очень живыми глазами. Это Оля. У неё есть дом — две комнаты в коммуналке: в одной живут её взрослые дочери, во второй — она и её возлюбленный, которого она много лет назад нашла в буквальном смысле на помойке. «Он хорошенький такой у меня был! Я его сразу полюбила! А он меня!» Худо-бедно как-то справлялись все эти годы, работали, хотя прописать к себе Оля своего названного супруга не смогла — слишком маленький метраж. А в марте он серьёзно заболел. Каждого анализа добивались, чуть не штурмуя кабинеты: «Прихожу, а врач

молоденький вдруг как заорёт: «Выйдите из кабинета, у меня очередь!» А там ни одного человека, и он это видит. Охранник, чтобы пропустить меня к главврачу, требовал двести рублей. Главврач сказал «Принеси сто тысяч, мы твоего бомжа положим». На днях выяснилось, что у мужчины терминальная стадия рака. Оля очень боится его потерять и теперь хватается за меня, захлёбываясь в слезах: «Помогите! Он на стенку от боли лезет! Я не хочу без него жить!»

Единственное правило ночного автобуса — держать себя в руках и быть относительно трезвым. Еду получают все, но те, кто ведет себя некорректно — в последнюю очередь.

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

На Васильевском знакомлюсь с юной Алёной, которая сбежала из Люберец: «У меня есть высшее юридическое, но, понимаете, я свободу люблю, а мамка меня вот так за шею держит, ну я психанула, колпак у меня поехал — и ушла. Но стараюсь домой звонить, чтобы мать знала, что я жива». Её парень — красавец Боря из Орла. По прикиду — панк: джинсы, косуха, цепи, большой фиолетовый ирокез, а по повадкам — очень нежный, улыбчивый юноша. У Бори ловко получается аскасть, проще говоря — попрошайничать. Но делает он это виртуозно — как правило, просит у женщин и так обаятельно и элегантно, что процедура выглядит совсем не унижительно, и дамы отдают ему мелочь с удовольствием.

В Новой деревне автобус останавливается рядом с домом ночного пребывания и палаткой Мальтийского красного креста. В маленькой комнате стоит плотный мужской запах, здесь живут шесть или семь людей, у двоих нет ног. Главный в комнате — Василий, очень приятный мужчина, который в начале 90-х попал в тюрьму, а когда вышел из неё, оказалось, что его как бы и нет на белом свете — ни в одной базе данных, ни на одной бумаге ни в ЗАГСе, ни по бывшим местам работы, ни в поликлинике — нигде. С тех пор Василий пытается доказать, что он есть, но дело движется с трудом. По профессии Василий портной, но занимается совсем другими вещами — сколотил с бездомными артель по производству товаров из бересты. Делать из берёзовой коры иконы, обложки для паспорта и волшебные резные ларцы у Василия получается очень ловко. Он отвечает за художественную концепцию и эстетику, его товарищи делают мелкую, но важную работу — например, Игорь, один из инвалидов, замечательно клеит и быстро делает оплётку. Игорь недавно потерял ноги на Донбассе, но говорить об этом не хочет.

ВАСИЛИЙ ПЫТАЕТСЯ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ОН ЕСТЬ, НО ДЕЛО ДВИЖЕТСЯ С ТРУДОМ

Всем подряд я раздаю свой телефон — вдруг кто-нибудь решит рассказать мне о себе при других обстоятельствах. И через несколько дней мне звонит Владимир Леонидович, который вместе с

ЖУРНАЛ

ФОНД

сейчас передвигается на коляске в садике у метро «Каховская». «Нам бы откопаться», — говорит Владимир Леонидович. — «Давай встретимся завтра». Брать у меня деньги на жетон они отказываются и уходят в метро.

Следующим утром мы идем в Боткинскую больницу — здесь есть специальный здравпункт для бездомных. Картина, что называется, маслом — тут собираются как раз те бездомные, что больше подходят под определение «бомж»: проломленные черепа, гниющие конечности, черные от грибка ногти, выбитые зубы, выдавленные глаза и тяжелый смрад из дешёвого спирта, грязи и нечистот. Таких пациентов тут половина, но другой половины — бездомных, похожих на среднестатистических россиян, — за этими живыми персонажами Брейгеля и не замечаешь.

ХОЧУ ПОМОЧЬ

Одна санитарка смотрит на людей с отвращением, другая — с терпимостью и смирением. Она ходит между ними, кого-то чем-то мажет, кому-то даёт таблетку. В самом углу сидит щуплый юноша с окровавленным лицом. Владимир Леонидович бодро направляется к нему. «Вот вам одна история, — говорит он, указывая на юношу рукой. — Знакомьтесь, это Владик, солдат-дезертир». От ужаса глаза у Владика из серых становятся черными, он вскакивает и пытается сбежать, но Владимир Леонидович ловко хватает его за шкирку и тихо шепчет на ухо: «Не бойся, дурак, никто не слышал, не выдадим, мы для дела стараемся». Владик не сразу, но обмякает, выходит с нами на улицу, просит не называть его по имени, не описывать внешность, не упоминать реальных мест действия.

МЕНЯ ПО ПЬЯНКЕ ИЗНАСИЛОВАЛ СТАРШИНА, ВЕЛЕЛ МОЛЧАТЬ, А ПОТОМ НАСИЛОВАЛ ЕЩЕ И ЗАСТАВЛЯЛ ОБЛИЗЫВАТЬ ЕМУ САПОГИ

Говорить Владiku сложно, слова подбирает с трудом: «Четыре года назад меня по пьянке изнасиловал старшина, велел молчать, а потом насиловал еще и заставлял облизывать ему сапоги. Я не выдержал, сбежал. Потерялся в лесу, видел волков, медведей, однажды нашел обгрызенный труп охотника, забрал себе ружье — сразу полегче

стало с пропитанием. Вышел к железной дороге, через всю страну доехал до Петербурга. Всегда мечтал его увидеть просто. Пока здесь, и что делать — не знаю, меня ведь посадят за измену Родине, наверное. Позвонил матери через два года, она в обморок упала на том конце. Сестра трубку берет, я ей говорю: «Люба, это я, я живой», а она плачет и отвечает: «Я сейчас милицию вызову, мы Владьку в закрытом гробу еще два года назад похоронили! Он на учениях погиб! Ты кто?!» А я слышу, что она меня по голосу узнала. Но больше всего я переживаю, что я теперь гомосек».

Дима слушает его, раскрыв рот. Я, впрочем, тоже. Владик надолго замолкает. Владимир Леонидович достает из кармана пятый айфон и смотрит, который час. Перехватив мой изумленный взгляд, говорит: «А, это... Пойдем, покажу. Я его честно обменял на часы, а часы нашёл».

Валера живет на улице с 1999 года. Когда-то он был коком. На лето осел в Парке Интернационалистов — здесь есть, где помыться и постирать.

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

ЖУРНАЛ

ФОНД

воровать нельзя. Справа: Летом бездомным быть гораздо проще, чем зимой — не только теплее и больше еды, но и больше возможностей заработать: можно продавать полевые цветы, чернику или грибы.

ХОЧУ ПОМОЧЬ

Мы идем по Апрашке, вокруг — восточный базар, и я совершенно потеряла ориентиры: закоулки, коридоры, склады — никогда в жизни я больше не найду то место, куда мы направляемся. Владимир Леонидович очень доволен: «Это хорошо, что ты ничего не запоминаешь, — мы целее будем. Вообще, пиши аккуратно обо всём. Не называй имен, адресов, названий учреждений, не пытайся ничего фотографировать — тебе-то всё равно, а мы так живем. Какая-нибудь мелкая чиновница Анна Ивановна прочтет про себя в твоей статье — и рассердится. А всё зло — оно именно в маленьких

ВСЁ ЗЛО — ОНО ИМЕННО В МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЯХ

вершителями судеб. Она с мужем поссорилась с утра — а я справку от неё, садистки, не могу получить».

Останавливаемся у двери в полуподвал. Владимир Леонидович говорит: «Этого человека будем называть Хасан», — и стучит тайным стуком. Через несколько секунд нам открывает восточный человек. Сцена в точности повторяет эпизод с фашистом из фильма «Брат-2». Восточный человек смотрит на меня немигающим взглядом и спрашивает: «Это кто?» Владимир Леонидович отвечает: «Свои». Восточный человек вздёргивает бровь, качает головой, но отходит от двери и пропускает нас внутрь. В неровном свете тусклых лампочек передо мной открывается пещера Али-Бабы 2.0. Горы айфонов и планшетов, россыпи очков Ray Ban, самые крутые велосипеды — утраченный, точнее — украденный хипстерский рай. Где-то здесь наверняка стоит велосипед моего приятеля, который на днях угнали от дверей модного бара. Хасан протягивает мне айфон с голографической наклейкой-котёнком: «Вот тебе, хочешь? Три тысячи». Я не хочу, но Владимир Леонидович протягивает Хасану какой-то кулёк. Тот заглядывает внутрь и даёт взамен айпэд.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

Шик, блеск, нищета

Всемирно известный Streets Barber сделал причёску петербургским бездомным

На следующий день мы с Владимиром Леонидовичем и Димой гуляем по окраинным районам. Владимир Леонидович рассказывает мне про то, сколько бездомных попадают в рабство к цыганам, дагестанцам, фермерам и организациям, прикрывающимся словосочетанием «реабилитационный центр». Об этом я уже знаю — в ночном автобусе у Игоря я видела десятки визиток с православными крестами и красивыми видами города, на каждой написано что-нибудь вроде «Твой путь к свободе!», «Стань полноценным гражданином своей страны!», «Работа, жилье, будущее!», «Начало твоих побед!». Названия организаций почти не отличаются от слоганов — «Линия жизни», «Перспектива», «Территория будущего» — их десятки. Машины

дежурят прямо у стоянок ночного автобуса. Когда я ездила с Игорем, то подходила к ним поговорить. Пацанчик в красном спортивном костюме, чуть опустив тонированное стекло, сообщил мне, что он божий пастырь и по-христиански хочет помочь людям.

«Арифметика простая, — объяснил мне потом Игорь. — Они собирают сотни

строжку, разгрузки или другие работы. Кормят беседами о паспорте и деньгах и ничего не делают, а только собирают деньги с заказчиков. Работа каждого человека — это в среднем тысяча рублей в сутки. Посчитай сама, сколько выходит на круг, если в бараке живет человек пятьсот. Нехилый бизнес, да?»

Слева: В Апраксином дворе есть своя тайная жизнь, незаметная людям с улицы. И много бездомных, которые не выходят с Апрашки годами — не за чем. Справа: Рита живет на улице так давно, что забыла, когда это началось. Сначала жила в Москве, потом перебралась в Питер — здесь проще и красивее.

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

Водитель из машины фермерского хозяйства был поразговорчивее божьего пастыря: он стоит в Лигове практически ежедневно, наблюдает за людьми, тех, кто кажется ему покрепче, понадежнее и менее пьющим, приглашает работать в совхоз: «А что, у нас там хорошо. Свежий воздух, здоровая еда, крыша над головой — что им ещё нужно? Денег на руки, конечно, не даём — зачем они им, только квасить начнут. Они все конченные всё равно, так пускай послужат людям».

К машине дагестанцев я подходить побоялась. «И правильно, — говорит Владимир Леонидович. — Я тебе скажу, что бывает с теми, кто подойти не побоялся — раз, и они уже в горах пасут овец или, если женщина, обслуживают дальнебоев на трассе Ростов — Баку». В этот момент до меня, наконец, доходит, что в сущности и Владимир Леонидович может сделать со мной что-нибудь дурное, а концов будет не найти. Каждый раз он звонит мне с нового номера, кто он такой, и Владимир Леонидович ли — я не знаю, Дима этот блаженный, а может, просто опасный сумасшедший, и сейчас мы бродим неизвестно где втроем, и я не вижу ни одного знакомого ориентира. Становится страшно.

Тем временем мы выбираемся к какой-то развязке. «Вот чей-то дом», — сообщает Владимир Леонидович и залезает на выступ. Лезу за ним — там, в грязном тряпье и горах мусора, кто-то копошится и нездорово кашляет. К счастью, Владимир Леонидович говорит, что нам пора расходиться. Они с Димой прощаются со мной и уходят в сторону далёких новостроек. Я остаюсь на развязке одна и долго ищу хоть какой-нибудь адрес, чтобы заказать такси.

В один из следующих дней я иду к бане, указанной среди многих других в

ЖУРНАЛ

ФОНД

ХОЧУ ПОМОЧЬ

... ..
понимает, что в городе много обездоленных и, если в баню приходит человек в нормальном состоянии, то его пускают не только помыться, но и постираться. Вечером после льготного дня баню дезинфицируют от пола до потолка. Я сажусь на лавочку у входа и наблюдаю за людьми. Из двери выходит милая старушечка, которую я видела на стоянке ночного автобуса на Васильевском острове. Чистая, румяная и свежепокрашенная хной. Разговорить её нетрудно — кажется, она рада любому вниманию. Я провожаю её домой — на кладбище, где она заняла красивый склеп XIX века.

Я ПРОВОЖАЮ ЕЁ ДОМОЙ — НА КЛАДБИЩЕ, ГДЕ ОНА ЗАНЯЛА

История старушки — самая душераздирающая из всех, что я слышала в последнее время. Зовут Галина, работала бухгалтером в

КРАСИВЫЙ СКЛЕП XIX ВЕКА.

Екатеринбурге, жили с мужем и сыновьями в трехкомнатной квартире. Муж, чемпион по рыбной

ловле, умер от инфаркта накануне нового 2007 года, прямо над лункой — «там все сидят, рыбу ждут, так что никто из рыбаков не понял, что он умер, пока на следующий день не пришли и не увидели, что он так и не вставал с места». Младший сын — любимый — через полтора года, летом, пропал. Сказал, что едет к друзьям на пару дней, и не вернулся. Галина искала его несколько месяцев, лежала в больнице с нервным срывом, отправляла заявку в передачу «Жди меня», ходила к экстрасенсам — ничего. А потом вспомнила, что сын всё бредил Петербургом, а она его не пускала. Бросила всё, приехала сюда, обошла все милицейские участки и морги и нашла его по фотографии разлагающегося обезображенного тела «неизвестного мужчины примерно двадцати лет» с каким-то диким личным номером, что присваивают всем неопознанным трупам. У сына был характерный шрам, «как у Гарри Поттера» — так и узнала. На карточке патологоанатома было написано, что он умер от сильного отравления и уже мертвым был сбит неустановленной машиной. Галина поехала искать могилу с таким номером. Кладбище в Колпине рябит от одинаковых холмиков с номерами, неизвестных людей здесь хоронят ежедневно — и бомжей, и тех, чью личность просто не удалось установить. На другой день она увидела, как какие-то родители буквально руками выцарапывают мерзлую землю, чтобы докопаться до гроба. Эти же люди вызвали упавшей в обморок Галине «Скорую помощь». Полежала в больнице и там поняла, что перезахоронить сына сил нет. Позвонила старшему в Екатеринбург, он сказал: «О, мама, вспомнила обо мне, наконец! Кстати, я выписал тебя из квартиры» — и положил трубку. Галина осталась в Петербурге, потеряла паспорт и пришла жить на кладбище — это её летняя резиденция. Зимой она живет на лестничной клетке последнего этажа соседнего дома. Люди жалеют её и не гонят. В склепе по-своему уютно: в баночке стоят цветы, прямо на могильной плите расстелена относительно свежая скатерть, на ней — старые журналы «Семь дней» и «Космополитен». В углу аккуратно свернут матрас. Галина предлагает выпить «за упокой души всех, кто усоп», я максимально деликатно отказываюсь. «Сколько мне лет, скажи?» — спрашивает Галина на прощанье. Хочу сделать комплимент и говорю «шестьдесят», хотя думаю, что под семьдесят. Галина расстраивается и вздыхает: «Пятьдесят шесть».

Кладбище в Колпино — одно из многих, где хоронят неизвестных людей без документов.

Фото: Алексей Лоцилов для ТД

Сутки спустя звонит Владимир Леонидович и по-свойски говорит: «Пойдешь с нами воровать на разборку?» Почему-то я опять его не боюсь и иду. Это не очень интересно: несколько мужиков пытаются резать кусачками железную сетку, у них ничего не получается — я стою в стороне рядом с Димой и думаю о том, что, судя по всему, это специальные показательные выступления для меня — уж больно всё неумело у них выходит. Мимо проезжает полицейская машина, резко тормозит — из неё с криками «Ну вы что, суки, охренели?!» выбегают двое полицейских. Старший и по званию, и по возрасту вдруг смягчается и говорит: «Володя, мужики, ну вы чего?» «Вот, девушку развлекаем, командир, но ничего не было — видишь, просто секатором цветы рубим». Они о чём-то разговаривают с минуту, Владимир Леонидович что-то суёт в ладонь старшего по званию, а может, просто жмет ему руку, и полицейские идут к своей машине. Подхожу к старшему и спрашиваю: «Скажите, а это настоящие бомжи?» «Ну не игрушечные, конечно», — отвечает он.

ЖУРНАЛ

ФОНД

ХОЧУ ПОМОЧЬ

кого задерживаете их?» «Я не знаю, и если бы им крупно повезло — состава преступления нет, хотя я понимаю, что они хотели сделать. Жалко их. У меня отец так пропал много лет назад, я поэтому в полицию и пошел — думал, найду. Не нашел, но надеюсь, что он живой. Хотя что это за жизнь». Внезапно он отсылает своего напарника подальше и говорит: «Бьют их много. И наши бьют, срывают злобу. Собаку стукнешь, она огрызаться начнет, укусить может, а этих — хоть забей до смерти, никому дела нет. Не по-людски у нас всё в стране».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

Танцор риска

Танцора Владимира Веселкина сам Нуриев звал в Гранд-Опера, а теперь он нищенствует без ноги и без дома. О взлете и падении секс-символа перестройки — Денис Бояринов

Машина уезжает, а Владимир Леонидович гордо подходит ко мне и говорит: «А я знал, что его смена, поэтому и тебя взял, даже надеялся, что попадемся — хотел тебе нормального мента показать. Запомни его — он, может, один такой на миллион».

На следующий день звонит какой-то Фёдор, через несколько часов — Зинаида, потом Рома, Жанна и кто-то ещё. Так продолжается несколько дней. Все хотят рассказать свою историю, зовут в гости на помойку, на тайный аборт, приглашают на рыбалку и собирать клубнику. Кто-то из них рыдает и кричит в трубку: «Ты пойми, мы же тоже люди! Это не все понимают! А ты пойми!» Я стою и молчу. Слушать весь этот ужас у меня больше нет сил.

 Оставить комментарий

МАТЕРИАЛЫ ПО ТЕМЕ

С холодной головой

 Виктория Рыжкова

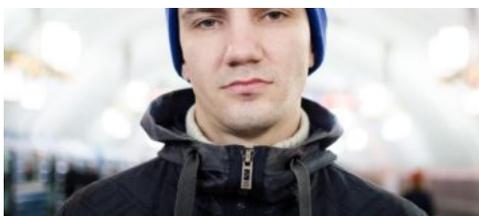
Как помочь бездомным пережить зимние морозы

БЕЗДОМНЫЕ ДРАМЫ ИНСТРУКЦИИ

ЖУРНАЛ

ФОНД

Правила жизни бездомных: Гена Перябин, 26 лет

 Анастасия Гладкова

Когда ему было 10, его мама пошла за хлебом и не вернулась. Квартиру отец пропил, и Гена остался на улице

БЕЗДОМНЫЕ ГЕРОИ ИНТЕРВЬЮ

ХОЧУ ПОМОЧЬ

Бомж содержит бомжа и руководит ими бомж

 Римма Авшалумова

Почему в столичном регионе идет острая конкурентная борьба за бездомных?

БЕЗДОМНЫЕ КОНТЕКСТ РЕПОРТАЖИ

Анастасия Дмитриева:
Правила жизни бездомных:
Наталья Шеварева

БЕЗДОМНЫЕ ДРАМЫ КОЛОНКИ

↓ Загрузить еще

ПОМОГАЕМ

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

Профилактика осложнений при трансплантации костного мозга

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

Последняя помощь

ДЕТИ-СИРОТЫ · ПСИХОЛОГИ

Верну

ЖУРНАЛ

ФОНД

1 856 565 ₽ | 7 500 000 ₽

9 928 159 ₽ | 30 020 000

🔍 | ХОЧУ ПОМОЧЬ

918 194 ₽

Всего собрано

162 303 168 ₽

ПОЖЕРТВОВАТЬ

«Такие Дела» — это информационный портал благотворительного фонда «Нужна Помощь».

В фокусе нашего внимания — люди и судьбы на фоне явлений, наш проект популяризирует идеи взаимопомощи и самоорганизации. Мы развиваем проекты благотворительных фондов по всей стране, привлекая к ним внимание и общественное финансирование.

Нашли опечатку?

Выделите слово и нажмите Ctrl+Enter

ЖУРНАЛ

Главная

Помогаем

Авторы

Редакция

Для новых авторов

Новости

Интервью

Репортажи

Колонки

Фотографии

Видео

Спецпроекты

ФОНД

О фонде

Отчеты

Пожертвовать

Партнеры

Стать волонтером

Заявка на участие

Частые вопросы

Контакты

Любое размещение материалов на сторонних ресурсах необходимо согласовывать с правообладателями. По всем вопросам обращайтесь на omelchenko@takiedela.ru

18+ © 2016. Проект Благотворительного фонда «Нужна Помощь»

Сделано в Charmer

ЖУРНАЛ

ФОНД

ХОЧУ ПОМОЧЬ

